

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ СО СТРАХАМИ У ДЕТЕЙ 9-10 ЛЕТ

Гриднева С.В.,
Тащёва А.И.

Теоретически обосновывается и эмпирически доказывается, что детям 9-10 лет может быть свойственен набор личностных детерминант, складывающихся в определенной системе их отношений. Проявляемые близкими отдельные копинг-стратегии, проявляемые ими на активное выражение ребёнком страха, способствуют закреплению в личностной структуре ребёнка паттернов совладания в виде экспрессии интенсивного страха, аддитивных (взаимодополнительных) к дефицитарной системе межличностных отношений в семье и копинг-стратегиям близких взрослых. Выделенный личностный комплекс рассматривается авторами в качестве предиктора дезадаптивного характера проявления эмоции страха как копинг-стратегии.

Ключевые слова: *ребенок 9-10 лет, страх, личностные детерминанты, копинг-стратегии страха, адаптивный/дезадаптивный характер совладающего поведения, эмпирически выделенный набор личностных особенностей детей как предиктор дезадаптивного характера проявления эмоции страха в качестве копинг-стратегии.*

Под личностными детерминантами совладающего поведения со страхами авторы понимают взаимосвязанную систему интерпретационных схем – личностных конструктов [10, 11]. Подобное понимание личностных детерминант не позволяет рассматривать страхи детей в соответствии с разработанной в отечественной психологии концепцией личности как многоуровневой системе отношений с различными сторонами реальности [2, 3, 11, 19, 22]. В психологическом плане личность младшего подростка изучена, скорее, не в широком контексте жизнедеятельности ребенка, а для описания психолого-педагогических проблем, возникающих в его учебной (ведущей) деятельности [5, 6, 21, 23 и др.].

Страхи детей 9-10 лет, часто трактуемые во фрустрирующих ситуациях как признак регрессии на ранние стадии развития личности, можно интерпретировать в рамках концепции совладающего поведения Р. Лазаруса [15, 16, 17, 24]. Выражение страха как сильной негативной эмоции описывается как пассивный (неконструктивный, дезадаптивный) способ совладания, но у детей 9-10 лет он редко анализируются детально.

Целью данной работы стало исследование специфики взаимосвязи между личностными характеристиками и демонстрацией детьми эмоции страха в качестве копинг-стратегии [8].

Объект исследования: личностные особенности ребёнка 9-10 лет.

Методы исследования: метод теоретического анализа источников по проблеме, метод изучения документов, наблюдение, опрос, психодиагностический метод, метод экспертных оценок, контент-анализ представлений детей о страхах и копинг-стратегиях, метод сравнения групп и метод статистической обработки психодиагностических данных и верификации гипотез.

Методический инструментарий: 1) личностные характеристики детей, особенности их восприятия себя (опросник Р. Кеттелла (12 CPQ), опросник «Атрибутивное сопровождение общения» А.И. Тащёвой, рисуночный тест «Несуществующее животное»); 2) содержание и «возрастная динамика» страхов (опросник Филлипса ШТФ); рисуночный тест «Мои страхи» и авторский опросник страхов детей) и 3) совладающее поведение (опросник копинг-стратегий Е.В. Куфтяк; тест С. Розенцвейга; авторский опросник реагирования на страх самих детей, их родных и друзей). Использовались критерий углового преобразования Фишера; t-критерий Стьюдента для независимых выборок; U-критерий Манна-Уитни; коэффициенты ранговой корреляции Пирсона, Спирмена и Кендалла (tau-b).

Выборка – 140 детей 9-10 лет (70 мальчиков и 70 девочек), разделенная на две группы: основную и контрольную (в каждой по 35 мальчиков и девочек). Критерии деления групп: 1) факт обращения педагогов и родителей за профессиональной

психологической помощью ребёнку, имеющему выраженные страхи; 2) психодиагностически подтвержденный дезадаптивный характер страхов ребёнка, имевшего поведенческие нарушения социального взаимодействия; психологическое своеобразие страхов и соответствующие экспертные оценки (7 педагогов и 7 психологов, знавшие детей по роду своей профессиональной деятельности) личности и поведения детей.

Известно, что ключевым новообразованием личности младшего подростка выступает социальное «Я», впервые дифференцированное на актуальный и идеальный компоненты [1, 5, 6, 25]. Последний позволяет развиваться внутренним механизмам саморегуляции поведения во фрустрирующих ситуациях. Но недостаточный социальный опыт ребёнка делает этот механизм слабым и уязвимым, создавая условия для его обращения к внешнему, социально-психологическому ресурсу совладания – системе отношений с близкими взрослыми и друзьями [4, 5, 7, 8, 12 и др.]. Возникает устойчивая ориентация на другого человека как поддерживающего партнёра. Ведущей потребностью ребёнка становятся социальные (социальное сравнение и оценка, подтверждение своего «Я» другими людьми, признание «Я»). Поведение впервые начинает выполнять функцию не только презентации себя другим, но и социальной мимикрии (представления себя другим в соответствии с их ожиданиями) [14]. Способность к рефлексии связана с потребностью в целенаправленном воздействии на партнёров по общению с целью формирования желаемого образа «Я». В 9-10 лет дифференцируются актуальный и возможный (фантомный, придуманный) миры личности, механизмом разделения которых оказываются сильные эмоции, в том числе, страх) [13]. Определение границ нового собственного «Я», проверка их устойчивости реализуется через экспрессию, часто связанную не с актуальными, а с воображаемыми проблемными ситуациями, на которые проецируется представление ребёнка о себе, включающее внешний и внутренний ресурсы совладания с проблемами.

Незрелость личности ребенка и гетерохрония в формировании достаточного внутреннего ресурса для совладания ведут к опредмечиванию в страхах детей фантомных угроз, связанных с их сомнениями в своих способностях к эффективному разрешению сложных ситуаций. Психоаналитическая трактовка страха в качестве защитного механизма слабого «Я» требует преодоления) [18]. Есть теоретические основания считать страх в 9-10 лет разновидностью пассивной копинг-стратегии (деструктивной эмоциональной экспрессии страха), направленной на привлечение внимания окружающих, интенсификацию их взаимодействия с ребенком для восполнения

дефицита во внешнем, социально-психологическом ресурсе преодоления проблем [17].

Связи личностных факторов и выбираемыми копинг-стратегиями см. Таблицу 1.

Таблица 1

**Связи копинг-стратегий
с личностными факторами по тесту Р. Кеттелла
(коэффициент конкордации Кендалла (r))**

Стратегии совладающего поведения (по Е.В. Куфтяк)	Выборка в целом		Группы респондентов			
	Личностный фактор	r	Основная		Контрольная	
			Личностный фактор	r	Личностный Фактор	r
Рефлексивный уход	Q ⁺	0,139*	G ⁺	0,230*	--	--
Пассивное отвлечение, разрядка	--	--	--	--	--	--
Поиск духовной опоры (поддержки)	B ⁻ D	-0,167* -0,138*	B ⁻	-0,219*	C ⁺ D ⁻ Q ₃ ⁺	0,260** -0,206* 0,214*
Деструктивная эмоциональная экспрессия	B ⁻ J ⁺ Q ⁺	-0,183** 0,178** 0,127*	B ⁻ G ⁺	-0,205* 0,263**	J ⁺	0,192*
Активно-деятельностное отвлечение	C ⁺ D	0,123* -0,132*	--	--	--	--
Социальные контакты с целью получения поддержки (общение)	J ⁺	0,193*	F	-0,199*	--	--

По выборке в целом стратегии рефлексивного ухода чаще прибегают дети с выраженной тревожностью и чувством вины (фактор «Q»). Стратегии поиска духовной опоры и поддержки чаще используют дети эмоционально сдержанные, флегматичные, медлительные, со сниженными интеллектуальными способностями и уровнем эмоционального возбуждения («B», «D»). Стратегия деструктивной эмоциональной экспрессии оказалась очень тесно связанной (на уровне $p = 0,01$) с низкими значениями фактора интеллекта («B») и высокими значениями «астенического» фактора («J»), отвечающего за повышенную усталость, замкнутость, ригидность; оба фактора в рамках стратегии деструктивной эмоциональной экспрессии взаимодействуют с повышенными показателями по фактору тревожности и чувства вины («Q»). На первый взгляд, низкие оценки респондентов выборки по фактору интеллекта могли бы быть объяснены влиянием на процессы мышления эмоциональной дезорганизованности детей основной группы. Последующий анализ по группам подтвердил данный тезис: отрицательная связь между фактором интеллекта и копинг-стратегией деструктивной эмоциональной экспрессии обнаружилась только у этих

детей (преимущественно у мальчиков). К стратегии активно-деятельностного отвлечения в большей мере склонны дети, хорошо управляющие своими эмоциями, свободные от невротических симптомов, уравновешенные даже в сложных ситуациях. Стратегия поиска социальной поддержки (общения) у респондентов оказалась положительно связана только с высокими значениями «астенического» фактора («J»). В отношении стратегии пассивного отвлечения, разрядки значимых связей с личностными факторами у детей выборки обнаружено не было, что позволяет утверждать, что выбор этой стратегии детьми 9-10 лет в целом имеет ситуативную природу.

В группе детей с дезадаптивными страхами связь копинг-стратегий с личностными факторами имеет иной характер: доминирует деструктивная эмоциональная экспрессия, тесно ($p=0,01$) положительно связанная ($r = 0,263^{**}$) с фактором «G» (социальный контроль) и умеренно отрицательно ($r = -0,205^*$) с фактором «B» (интеллект). То есть, во фрустрирующих ситуациях выбор деструктивной эмоциональной экспрессии ребенком основывается на его твердой убежденности в эффективности ее воздействия на окружающих. В этой стратегии проявляются настойчивость, упрямство, педантизм и высокий уровень самоорганизации детей основной группы при достижении ими поставленных целей. Под влиянием эмоции страха при дефицитарном характере внешнего личностного ресурса этих респондентов, их неуверенности в получении необходимой помощи со стороны окружающих упорство, настойчивость и высокий уровень самоорганизации этих ребят выступают основой развития их эмоциональной дезорганизованности. Их интеллектуальный дефицит, проявляемый в низких показателях фактора «B» и сниженной успеваемости, фактически выступает следствием выраженной озабоченности этих детей, сопровождающейся постоянным страхом.

У этих детей стратегия деструктивной эмоциональной экспрессии и поиск социальных контактов тесно связаны с низкими показателями по фактору «F» (свободное, искреннее проявление спонтанных эмоций) ($r = -0,194^*$). Следовательно, эмоция страха (как деструктивная пассивная реакция на фрустрирующие ситуации) связана с ощущением ребенком социального дефицита в процессе реализации своих целей и удовлетворения потребностей. Ведь их низкие показатели фактора «F» связаны с высоким уровнем озабоченности, поведенческой ригидностью, повышенной осторожностью и пессимистичной оценкой реальности. Р. Кеттелл полагал, что низкие значения этого фактора тесно связаны с социальной ситуацией развития ребенка, чрезмерностью воспитательных воздействий, которые компенсируют недостаточную личностную вовлеченность

родителей в процесс межличностного общения с ребенком. Ребенок с низким показателем по фактору «F» склонен к интернализации внутренних конфликтов, к внутреннему дискомфорту – поиск им социальных контактов призван компенсировать его неуверенность, вызванную дефицитом внешнего ресурса совладания с проблемами.

Копинг-стратегия поиска духовной опоры тесно связана с низкими показателями по фактору интеллекта «B» ($r = -0,219^*$). Испытывая страх за собственную несостоятельность в достижении поставленных целей и удовлетворении потребностей, ребенок не может адекватно оценить социальную ситуацию, свои реальные возможности – ищет могущественные и чудодейственные источники поддержки (маги, волшебники, Бог и т.д.).

Стратегия рефлексивного ухода у этих детей оказалась положительно связанной ($r = 0,230^*$) с сильным социальным контролем, развитым чувством ответственности, добросовестностью (фактор «G»).

У детей основной группы не было обнаружено значимых связей между стратегией пассивного отвлечения (разрядки) и активно-деятельностного отвлечения – выбор этой стратегии для них ситуативен.

Анализ половых различий личностных детерминант копинг-стратегий в основной группе показал, что описанные детерминанты характерны, прежде всего, для мальчиков. Для девочек и мальчиков основной группы характерна значимая связь между вспомогательной стратегией поиска духовной опоры и низкими показателями интеллекта ($r = -0,437^*$). Но нет данных о том, что такая связь у девочек строится на основе их эмоциональной дезорганизации, как у мальчиков. Девичьи предпочтения этой стратегии чаще строятся на отказе от рационального анализа иных возможностей для совладания с ситуацией, на их большей уверенности в собственной слабости, неверии, что окружающие готовы реально помочь им в сложной ситуации. Доминирование стратегии деструктивной эмоциональной экспрессии у девочек основной группы в большей мере определяется ситуацией, а не их личностными характеристиками, с которыми у них связаны не преобладающие в поведении стратегии совладания: пассивное отвлечение (разрядка) и активно-деятельностное отвлечение. Первая имеет высокие показатели отрицательных связей с факторами «A» ($r = -0,336^*$) и «F» ($r = -0,258^*$). С низкими значениями по фактору «F» у этих девочек тесно связана и стратегия активно-деятельностного отвлечения ($r = -0,282^*$).

У респондентов контрольной группы копинг-стратегия деструктивной эмоциональной экспрессии тесно связана ($r = 0,192^*$) только с высокими значениями фактора «J», стратегия поиска духовной опоры коррелирует с факторами «C⁺» ($-r = 0,260^*$),

«D» ($r = -0,206^*$) и «Q₃⁺» ($r = 0,214^*$). Значит, поиск духовной опоры для детей данной группы связан не с состоянием их отчаянного поиска спасения (как в основной), а с ощущением эмоциональной стабильности, трезвым взглядом на происходящее, уравновешенностью и сдержанностью, чувством «защищенного тыла», сохранением самоуважения и самоконтроля, со стремлением к самоорганизации. Выбор стратегии поиска духовной опоры основывается здесь не на вере в чудеса, а на возможности остановиться и подумать о происходящем для эффективного разрешения фрустрирующей ситуации.

Половые различия личностных детерминант копинг-стратегий в контрольной группе. У мальчиков копинг-стратегия деструктивной эмоциональной экспрессии положительно связана с двумя личностными характеристиками: факторами «С» ($r = 0,375^{**}$) и «F» ($r = 0,332^*$) – их экспрессия деструктивных эмоций не связана с их настойчивым стремлением к установлению контроля над поведением окружающих (как у мальчиков основной группы), а со свободным, искренним проявлением спонтанных эмоций («F⁺») на фоне эмоциональной устойчивости («С⁺»). Такая экспрессия во фрустрирующих ситуациях свободна от невротических симптомов. Стратегия поиска духовной опоры связана ($r = 0,363^{**}$) у этих мальчиков и с фактором «С⁺». Копинг-стратегия активно-деятельностного отвлечения у этих мальчиков тесно связана с фактором «F⁺» ($r = 0,297^*$) – эта стратегия реализует спокойное, небрежное отношение мальчиков к трудностям проблемной ситуации, основанное на их доверии к себе и к другим. Выбор стратегии поиска социальных контактов (общения) у мальчиков тесно связан ($r = 0,269^*$) с фактором «Q₃⁺», характеризующим их высокую социальность, произвольность и осознанность поведения во фрустрирующей ситуации, склонность принимать обдуманные решения, разобравшись в происходящем. Стратегии рефлексивного ухода и пассивного отвлечения используются этими детьми ситуативно.

У девочек контрольной группы не обнаружилось значимых связей между их личностными чертами, с одной стороны, и стратегиями деструктивной эмоциональной экспрессии и рефлексивного ухода, – с другой. Деструктивная эмоциональная экспрессия для всех девочек выборки является ситуативной копинг-стратегией. Стратегия пассивного отвлечения у этих девочек очень тесно ($p=0,01$) коррелирует с низкими показателями по факторам «В» ($r = -0,378^{**}$), «D» ($r = -0,259^{**}$), «J» ($r = -0,348^{**}$). Стратегия поиска духовной опоры у них соединена с чертами факторов «D» ($r = -0,411^*$), «E» ($r = -0,303^*$), «Q₃⁺» ($r = 0,299^{**}$). Стратегия активно-деятельностного отвлечения связана у этих девочек и с фактором «Q₃⁺» ($r = -0,271^*$), а стратегия поиска социальных контактов – с низкими

показателями по факторам интеллекта «В» ($r = -0,296^*$) и энергичности «Q₄⁻» ($r = -0,274^*$).

Корреляционный анализ совпадений между личностными чертами и характером поведенческих реакций во фрустрирующих ситуациях у детей выборки показал следующее. Чем более у детей основной группы выражен интеллект, тем больше у них сомнений в возможности разрешения сложной ситуации ($r = 0,208^*$), они чаще провоцируют окружающих на конфликты ($r = 0,214^*$), привлекая внимание других людей своими негативными высказываниями (дразнят) ($r = 0,225^*$), возрастает число косвенных реакций обвинения ($r = 0,184^*$), особенно неосознаваемых вербальных реакций агрессивного типа ($r = 0,273^{**}$). У детей основной группы с высоким интеллектом растет число внутренних вербальных реакций (они выражают свои эмоции и мысли во внутренней речи) ($r = 0,273^{**}$) и общее число реакций самозащитного типа (ED) ($r = 0,346^{**}$).

С выраженной эмоциональной устойчивостью детей основной группы связаны их опережающие реакции экстрапунитивного препятственно-доминантного типа: проблемы ещё нет, но они уже начинают плакать («на всякий случай», хотя их переживания ещё не настолько сильны) ($r = 0,289^*$) и отрицают любую свою ответственность за происходящее ($r = 0,231^*$). С эмоциональной устойчивостью у них связаны и реакции упорствующего типа импунитивной направленности, предполагающие ($r = 0,226^*$). С эмоциональной возбудимостью связан отказ этих детей от контактов во фрустрирующих ситуациях ($r = 0,203^*$) и их реакции, вызванные с надеждой на естественное разрешение проблемы ($r = 0,215^*$) – зачем кого-то просить или предпринимать что-то самому. С усилением доминантности снижаются реакции опасения в неразрешимости проблемы ($r = -0,224^*$), но усиливаются ($r = 0,238^*$) внешние проявления страха, сопровождаемые плачем (что еще раз подтверждает стимульную функцию экспрессии этой эмоции у респондентов основной группы).

У детей основной группы с повышением выраженности беспечности и оптимизма увеличивается сумма смешанных экстрапунитивных реакций препятственно-доминантного типа ($r = 0,249^*$). Чем более у детей основной группы выражена черта «G» (сильный социальный контроль), тем больше выражены и реакции импунитивно-упорствующего типа ($r = 0,204^*$): они адресуют агрессию во вне и рассчитывают на то, что «всё и без них устроится».

У детей основной группы с социальной смелостью связаны реакции генерализации трудностей («Всегда или вечно так бывает!» либо «Всё не слава Богу!») ($r = 0,220^*$) и уменьшение суммы экстрапунитивных реакций препятственно-доминантного типа ($r = -0,212^*$), уменьшение количества реакций

агрессивного типа в виде избыточно настойчивых просьб-приказов ($r = -0,277^*$), обвинений ($r = -0,284^*$), дразнилок ($r = -0,293^*$). Чем более выражена характеристика социальной смелости, тем меньше у этих детей общая сумма реакций на фрустрирующие ситуации в виде угроз ($r = -0,210^*$); снижается число косвенных обвинительных реакций в виде намеков ($r = -0,338^{**}$), но растет число реакций умолчания о проблеме ($r = 0,196^*$) и число реакций в виде внутреннего проговаривания всех явных ($r = 0,188^*$) и косвенных ($r = 0,209^*$) обвинений. Но большая социальная смелость у этих детей сочетается со значимым снижением общей суммы агрессивных реакций самозащитного типа всех видов направленности ($r = -0,283^{**}$).

С уменьшением астенических характеристик личности («J») увеличивается число косвенных вербальных препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = -0,229^*$), угроз физической расправы с обидчиком ($r = -0,271^*$) и уменьшается число их упреков ($r = 0,271^*$) и обманов ($r = 0,243^*$), снижается стремление к обвинению других ($r = -0,199^*$).

С усилением чувства вины и тревоги у детей основной группы снижается число опережающих («Ещё не провинился, но уже виноват!») препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = -0,283^{**}$) и увеличивается совокупное число «мазохистических» реакций, когда фрустрирующая ситуация интерпретируется ребёнком в качестве заслуженного наказания, направленного на исправление его, «плохого» ($r = 0,206^*$). Растет и число высказываемых им упреков другим ($r = 0,186^*$), и желание наябедничать для снятия с себя ответственности за проблему ($r = 0,214^*$).

С усилением самоконтроля над поведением («Q₃») возрастает число опережающих экстрапунитивных реакций препятственно-доминантного типа, проявляющихся в предвосхищении детьми неприятных последствий событий ($r = 0,209^*$), нарастает число сердитых претензий ($r = 0,246^*$), угрызений совести ($r = 0,198^*$), общая сумма интрапунитивных самозащитных реакций ($r = 0,237^{**}$) и число реакций, направленных на самостоятельный поиск выхода из фрустрирующей ситуации ($r = 0,292^*$).

Половые особенности связи личностных черт детей основной группы и содержания их поведенческих реакций во фрустрирующих ситуациях. Для мальчиков наиболее критическими личностными детерминантами, с которыми связано большинство реакций, выступила ограниченная группа факторов: интеллект, с которым положительно связано «зацикливание (фиксация) ребёнка» на реакциях сомнений ($r = 0,208^*$), усиление реакций-дразнилок ($r = 0,214^*$), косвенных неосознаваемых

обвинительных (агрессивных) реакций ($r = 0,225^*$), замыкание в себе (нарастание реакций обвинительного типа внешней и внутренней направленности, которые реализуются преимущественно во внутренней речи) ($r = 0,184^*$). Второе место занял фактор «Н», с которым связано снижение внутренних реакций типа «вот всегда со мной это происходит» ($r = -0,220^*$), снижение общей суммы экстрапунитивных реакций препятственно-доминантного типа ($r = -0,212^*$), уменьшение числа просьб-приказов ($r = 0,227^*$), агрессивных обвинений ($r = -0,284^*$) и дразнилок ($r = 0,293^*$), угроз ($r = -0,210^*$), повышается прозрачность высказываний за счет снижения числа намеков ($r = -0,338^*$) и снижения реакций в виде внутренней, не выражаемой вовне, обвинительной речи ($r = -0,289^*$).

Для девочек наиболее критическими личностными детерминантами, с которыми связано большинство их копинговых реакций, оказались интеллект и эмоциональная возбудимость. С высоким интеллектом, у девочек основной группы связано увеличение числа импунитивных препятственно-доминантных реакций, когда минусы фрустрирующих ситуаций редуцируются до малозначимых ($r = 0,292^*$). Хотя при этом также значимо увеличивается число открытых оскорблений ($r = 0,490^{**}$) и угроз физической расправы ($r = 0,295^*$), обманы ($r = 0,289^*$), а также в целом растет число косвенных самозащитных реакций внешней направленности ($r = 0,266^*$), сочетанных реакций «угрызений совести» ($r = 0,254^*$) и аутоагрессии ($r = 0,258^*$). В целом у девочек с повышением интеллекта повышается совокупное число реакций самозащитного типа ($r = 0,297^*$). С понижением уровня эмоциональной возбудимости («D») у девочек основной группы растет количество внутренних, не выражаемых вовне препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной ($r = -0,365^*$) и импунитивной ($r = -0,305^*$) направленности, увеличивается число сочетанных импунитивных реакций самозащитного типа ($r = -0,311^*$), которые происходят во внутреннем плане, без выражения во внешних формах. Однако при этом также возрастает их стремление к самостоятельному разрешению фрустрирующих ситуаций (I-NP) ($r = -0,292^*$).

У респондентов контрольной группы в целом наиболее критическими личностными детерминантами, связанными с содержанием копинговых реакций, оказались факторы интеллекта («В»), эмоциональной устойчивости («С») и самоконтроля над поведением («Q₃»). С развитием интеллекта у детей контрольной группы значимо увеличивается число импунитивных препятственно-доминантных реакций, когда минусы фрустрирующей ситуации не замечаются или сводятся до минимума ($r = 0,227^*$). Также растет число оскорблений ($r = 0,202^*$) и угроз

($r = 0,205^*$) (особенно угроз физической расправы) ($r = 0,280^*$), усиливается ироничность ($r = 0,242^*$) и растет число невыражаемых вовне внешнеобвинительных самозащитных реакций, протекающих только во внутреннем плане (внутренняя речь) ($r = 0,191^*$). При этом во внутренний план переходят и реакции снятия ответственности с кого бы то ни было (M-ED): они становятся невыражаемыми во внешней речи ($r = 0,264^{**}$). Возрастает число интрапунитивных реакций самозащитного ($r = 0,378^{**}$) и реакцией упорствующего типа ($r = 0,250^*$), что означает усиление чувства вины и стремления к самостоятельному исправлению ситуации. Причём такие реакции также чаще протекают во внутреннем плане, а не во внешнем.

У детей контрольной группы с повышением эмоциональной устойчивости повышается число обобщающих экстрапунитивных реакций препятственно-доминантного типа с отрицанием своей ответственности («Всегда так бывает», «Это ужасно, но что поделаешь») ($r = 0,206^*$), возрастает число упреков ($r = 0,201^*$) и ироничных реакций ($r = 0,289^*$), коммуникация приобретает косвенный, уклончивый характер ($r = 0,205^*$), становится сложной, сочетающей разные формы реагирования в одном поведенческом паттерне ($r = 0,182^*$). С усилением самоконтроля над поведением у детей контрольной группы расширяется репертуар препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = 0,269^{**}$), снижается общее количество «мазохистических» реакций, когда фрустрирующая ситуация воспринимается как заслуженное наказание, направленное на исправление его «плохого» ребенка ($r = -0,248^*$). При этом возрастает число агрессивных реакций в виде раздражения ($r = 0,223^*$), дразнилок ($r = 0,207^*$), отрицания своей ответственности ($r = 0,219^*$), увеличивается число высказываемых упреков ($r = 0,249^{**}$) и обмана ($r = 0,224^*$). Также нарастает количество реакций, вызываемых чувством вины ($r = 0,272^{**}$), и импунитивных реакций самозащитного типа («Никто не виноват») ($r = 0,246^*$).

У мальчиков контрольной группы наиболее критическими оказались два личностных фактора: интеллект и эмоциональная возбудимость. С повышением интеллекта у этих детей возрастает число импунитивных реакций препятственно-доминантного типа, когда редуцируются минусы фрустрирующей ситуации ($r = 0,357^*$). Растет число сердитых претензий ($r = 0,301^*$), дразнилок ($r = 0,297^*$), угроз ($r = 0,280^*$) (особенно угроз физической расправы) ($r = 0,370^*$), лжи ($r = 0,302^*$), что сочетается с усилением их общего чувства вины ($r = 0,342^*$) и увеличением числа импунитивных реакций самозащитного типа («Никто не виноват», «Всякое бывает») ($r = 0,423^{**}$). С повышением эмоциональной

возбудимости у мальчиков контрольной группы возрастает количество сочетанных импунитивных реакций препятственно-доминантного типа («мазохистических») ($r = 0,299^*$), протестов ($r = 0,297^*$) и обвинений ($r = 0,317^*$), уменьшается количество реакций раздражения ($r = -0,302^*$), но снижается и число реакций, направленных на поиск самостоятельного выхода из проблемной ситуации ($r = -0,309^*$).

У девочек контрольной группы наиболее критическими оказались четыре личностных фактора: эмоциональная устойчивость («С»), эмоциональная возбудимость («D»), самоконтроль над поведением («Q₃») и энергичность («Q₄»). С повышением эмоциональной устойчивости увеличивается число упреков ($r = 0,368^{**}$) и общий репертуар косвенных самозащитных реакций экстрапунитивной направленности ($r = 0,267^*$). При этом снижается количество реакций упорствующего типа всех видов направленности ($r = -0,288^*$). С повышением эмоциональной возбудимости нарастает количество повторяющихся реакций препятственно-доминантного типа внешнеобвинительной направленности (подчеркивание препятствия) ($r = 0,296^*$) и усиливаются внутренние (не выражаемые вовне) реакции импунитивной направленности препятственно-доминантного типа (когда минусы фрустрирующей ситуации редуцируются) ($r = 0,337^*$). Растет количество реакций-оскорблений ($r = 0,385^{**}$), угроз ($r = 0,290^*$) (особенно угроз физической расправы) ($r = 0,329^*$), иронии ($r = 0,336^*$), а также усиливается ожидание того, что кто-то другой должен исправить проблемную ситуацию ($r = 0,332^*$).

У девочек контрольной группы с усилением черт личностного фактора, отвечающего за самоконтроль над поведением, возрастает количество косвенных вербальных препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = 0,293^*$), а также снижается количество «мазохистических» реакций, когда фрустрирующая ситуация интерпретируется как заслуженное наказание или благо ($r = -0,308^*$). При этом возрастает количество реакций лжи, выполняющих функцию замаскированной самозащиты ($r = 0,349^*$), сопровождаемых усилением чувства вины ($r = 0,290^*$).

С повышенной энергичностью (внутренним напряжением) у девочек контрольной группы связано расширение репертуара препятственно-доминантных реакций экстрапунитивной направленности ($r = 0,262^*$), «заикливание» на однотипных OD-реакциях импунитивной направленности (редукция минусов фрустрирующей ситуации) ($r = 0,339^*$), уменьшение числа реакций обвинения ($r = -0,358^*$) и увеличение реакций оскорбления ($r = 0,539^{**}$), иронии ($r = 0,288^*$).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Выбор пассивной копинг-стратегии теоретически связан со специфическим набором личностных детерминант, складывающихся в определенной системе отношений личности. К этим детерминантам относятся его устойчивые паттерны социального взаимодействия во фрустрирующих ситуациях; паттерны взаимодействия с ребенком людей из ближайшего окружения (близких взрослых и друзей); комплекс социально-психологических черт личности, выделенных Р. Кеттеллом; представления ребёнка о своей личности и о характере социального взаимодействия с окружающими его близкими; самооценка; состояние здоровья ребёнка; уровень его когнитивных способностей оценки социальных ситуаций, который проявляется в содержании атрибутивных процессов общения.

2. Комплекс личностных особенностей, связанных с внешним и внутренним личностным ресурсом совладающего поведения, определяет содержание и другие характеристики страхов детей 9-10 лет и отражает доступность для ребенка внешнего (интериндивидуального) личностного ресурса совладания с фрустрирующими ситуациями.

3. У мальчиков страхи чаще имеют дезадаптивный характер в случае отсутствия в семье отца, у девочек же – в случае отсутствия в семье бабушки. В силу возрастной специфики личности в 9-10 лет наличие в семье сиблинга (брата или сестры) одного с ним пола значимым образом снижает вероятность развития у ребенка дезадаптивных страхов.

4. Дети основной группы более чувствительны к социальным страхам, содержание которых связано с опасениями, что окружающие не примут участия в оказании им помощи во фрустрирующих ситуациях. Они более развернуто, обобщенными категориями описывают свои страхи; у детей же контрольной группы страхи более конкретны.

5. Контекст школьного обучения обостряет восприятие ребенком наиболее уязвимой в этом возрасте стороны личности – систему социальных связей и отношений, составляющей основу внешнего ресурса совладания с трудными жизненными ситуациями. В личностной структуре детей основной группы преобладает «невротическая триада» факторов. Образ «Я» этих детей отличается доминированием отрицательных оценок и характеристикой себя в качестве слабых и социально некомпетентных личностей. Эти дети не уверены в своих силах, социально некомпетентны, замкнуты, робки, обидчивы, чрезмерно осторожны, поскольку из-за нарушенных социальных связей им больше приходится рассчитывать на свои слабые возможности.

6. У детей основной группы недостаточность внешнего личностного ресурса совладающего поведения сопровождается несформированностью

внутреннего ресурса для совладания: они менее развиты в когнитивном плане. У них слабее психофизиологические возможности совладания со стрессом, они чаще имеют нарушения соматического здоровья, что может быть объяснено как «бегство в болезнь». В большей мере эти характеристики свойственны мальчикам, которые в силу культурных ожиданий не могут открыто проявлять свою слабость перед лицом трудных жизненных ситуаций.

7. Сниженная социально-психологическая компетентность личности ребенка, когнитивная простота восприятия ситуаций общения, выраженная ориентация на значимость других людей в оценке своей личности, заниженная самооценка, затруднения в поддержании позитивного образа «Я» и в самовыражении, повышенная эмоциональная возбудимость, детерминированная фрустрацией социальных потребностей, острое восприятие своей инакости (отличительности) и обидчивость определяют сферу проявления страхов и уровень их выраженности. Есть четыре критические сферы, в которых выраженность страхов у детей с описанным личностным комплексом выходит за пределы «нормального» уровня: а) ситуации проверки учебных знаний, б) самовыражение, в) отношения с педагогами, г) несоответствие социальным ожиданиям. Наиболее сильную тревогу дети основной группы переживают в ситуациях оценки их знаний, достижений и возможностей.

8. Наличие у ребёнка описанного комплекса личностных факторов лежит в основе его стремления к частому использованию выражения эмоции страха в качестве разновидности пассивной копинг-стратегии во фрустрирующих ситуациях. Эта стратегия органично сочетается с более частыми выборами копинг-стратегий в виде установления социальных контактов (общения) и поиска духовной опоры. Посредством демонстрации сильного страха дети основной группы достигают большей интенсивности общения и взаимодействия со значимыми другими (близкие взрослые и друзья), успешно вовлекая последних в процесс разрешения фрустрирующих ситуаций. Предпочтение стратегии деструктивной эмоциональной экспрессии у детей основной группы не связано с их стремлением обманывать окружающих, манипулировать ими.

9. Эффективность воздействия детей на близких взрослых посредством деструктивной эмоциональной экспрессии определяется характером реагирования: чем чаще ребенок выражает деструктивные эмоции, тем скорее взрослые реагируют на это усилением социальных контактов, общением с ним. Таким образом, определенные копинг-стратегии близких людей, проявляемые ими на активное выражение ребёнком страха, способствуют закреплению в личностной структуре ребёнка паттернов

совладания в виде экспрессии интенсивного страха, аддитивных (взаимодополнительных) к дефицитарной системе межличностных отношений в семье и копинг-стратегиям близких взрослых. Выделенный личностный комплекс может рассматриваться в качестве предиктора дезадаптивного характера проявления эмоции страха как копинг-стратегии.

10. Воздействие на критические личностные факторы детей выборки позволят провести точную коррекцию их дезадаптивных характеристик, связанных с деструктивной эмоциональной экспрессией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология. – М.: Академический проект, 2001.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001.
3. Асмолов А.Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: изд-во МГУ, 1990.
4. Астапов В.М. Тревожность у детей. – СПб.: Питер, 2004.
5. Богданова Н.А., Психологические трудности развития «Я-идентичности младших школьников. Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Тула, 2000.
6. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Международная пед. академия, 1995.
7. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. – М.: Просвещение, 1997.
8. Грднева С.В. Личностные детерминанты страхов и стратегий совладающего поведения у детей 9-10 лет. Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Ростов-на-Дону, 2007.
9. Данилова Е.Е. Психологический анализ трудных ситуаций и способов овладения ими у детей 9-11 лет: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М., 1990.
10. Изард К. Страх и виды тревожности / Тревога и тревожность / Сост. В.А. Астапова. – СПб.: Питер, 2001.
11. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2002.
12. Исаев Д.Н. Психосоматическая медицина детского возраста. – СПб.: Специальная литература, 1996.
13. Кон И.С. Открытие «Я». – М.: Политиздат, 1987.
14. Крэйн У. Теории развития. Секреты формирования личности. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
15. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. – Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004.
16. Куфтык Е.В. Совладающее поведение в семье, регулярно применяющей физические наказания детей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – СПб., 2003.
17. Лазарус Р. Совладание (coping) // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2003.
18. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1. / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002.
19. Мясищев В.Н. Психология отношений: Избранные психол. труды. – М., Воронеж, 2001.
20. Петровский А.В. Личность, деятельность, коллектив. – М.: Политиздат, 1982.
21. Петченко В.А. Школьные объективные страхи детей младшего школьного возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. 19.00.07. – М., 2002.
22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2-х т. – М.: Наука, 1989. – Т. 1.
23. Славина Л.С. Дети с аффективным поведением. – М.: Просвещение, 1967.
24. Тащёва А.И., Грднева С.В. Личностные детерминанты стратегий совладающего поведения // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 2006.
25. Фельдштейн Д.И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избр. труды. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, Флинт, 2004.